

ВОЛЧЬЯ ЖИЗНЬ

Дело было поздней осенью. А в этих краях поздняя осень — самый что ни на есть разгар зимы. Именно поэтому его искали где угодно, только не в тундре. Какой нормальный человек будет прятаться в тундре, да еще зимой, да еще на Камчатке: это ведь самоубийство.

В первые же дни Крючок набрел на одинокий заброшенный чум, рядом с которым то там, то тут валялись поломанные аргизы — олени нарты. Жилище это никак не устраивало, сюда в любое время могли заглянуть пастухи или охотники. И все же ему здорово повезло. Во всяком заброшенном чуме всегда можно найти старые, облезлые лохмотья, а шкура есть шкура. Дня два он мастерил подобие одежды, упаковал все на аргизе и, дождавшись пурги, ушел восвояси. Конечно, не случайно он выбрал день, когда бушевала пурга: следы будут заметены.

Питался беглец сырой зайчатинной и рыбой. Еще в чуме он нашел куски стальной проволоки и лески, которыми крепились шкуры полога. В этих местах зайца редко бьют из ружья. Закрепят кольца под каким-нибудь кустом и к утру уже подбирают очоченного беляка. Рыбу Крючок ловил подо льдом. Пить ему не хотелось — сырая пища слишком богата водой. Каждый день он менял место ночлега, спал под аргизой в равном кукуле. Чаще всего устраивался у куста шиповника со спелыми темно-красными ягодами. После его ухода оставались общипанные ветки.

Так он кочевал по тундре, таща за собой оленью аргизу, нагруженную заскорузлой шкурой и несколькими убитыми зайцами. Одно было плохо: нестерпимо хотелось курить, поесть хоть чуточку соли.

Ложился он спать с мыслями о куреве, зная, что непременно после этого закурит во сне. Он стал привыкать к такому самообману. Тяжелее было другое. Он потерял ориентир, не знал ни месяца, ни числа, а по редким оттепелям нельзя догадаться о наступлении весны, так как на Камчатке даже в январе может

хлестать теплый дождь, после чего вся тундра покрывается ледяным панцирем.

Крючок не боялся пурги — частой гостьи тундры. Он наловчился, и из шкур, прихваченных в заброшенном чуме, довольно быстро мастерил палатку, используя для основания какую-нибудь яму или берлогу. В таком жилище можно было находиться только лежа. Всякий раз после свирепой и длительной пурги хозяину палатки приходилось откапываться.

Однажды во время чудовищной пурги, когда, казалось, небо сровнялось с землей, до него донесся лай собак. Крючок приподнял край затвердевшей оленьей шкуры, которая служила дверцей в палатке, и по-пластунски вылез наружу. Прислушался. Сквозь вой пурги он явно различал лай собак, но никак не мог определить, откуда он доносился, — в двух шагах ничего нельзя было разглядеть. Густая снежная пыль закрывала и землю, и небо.

Вскоре в бело-серой вихрящейся дымке он заметил приближающуюся собачью упряжку. Крючок сразу же отпрянул в сторону, спрятался за кедрач. Собаки остановились у самой палатки, словно давно были знакомы с этим местом. Каюр слез с нарты, оглянулся по сторонам. Вдруг он заметил, как полог в палатке колышется. Взяв в руки остол с железным наконечником, он медленно направился к палатке.

Крючок, убедившись, что никакой опасности для него в этом визите нет, что каюр ищет место, где бы можно было переждать пургу, окликнул:

— Эй!

Каюр резко обернулся и, увидев незнакомца, содрогнулся. Обросший густой бородой, одетый в лохмотья, Крючок произвел жуткое впечатление.

— Не бойся, я тут один, — сказал Крючок.

...Вдвоем им было слишком тесно в палатке. У каюра пищи оказалось вдоволь: галеты, сгущенное молоко, сахар и, конечно, юкола — соленая рыба. Пока суд да дело, Крючок лежа уплел две рыбины, и через некоторое время ему впервые по-настоящему захотелось пить.

— Как тебя зовут? — спросил он после того, как утолил жажду снегом.

— Тегэт.

— А меня Иваном. Курить у тебя не найдется?

— Я не курю.

— Какого ты года, Тегэт?

— Тридцать пятого.

— Погодки, значит, мы с тобой. А ты коряк, ительмен или кто?

— Коряк я. Работаю в совхозе каюром. Ты лучше скажи, как ты сюда попал и почему здесь живешь один.

— Нравится мне так жить, Тегэт. Ты хорошо говоришь по-русски. Я знал коряков, которые едва-едва трекают.

— Я школу кончал на русском. Но ты мне не ответил, что ты здесь делаешь.

— Ты не поймешь, Тегэт. Живу тут на свободе. Я, понимаешь, рецидивист. Бандит и вор. Люди меня считают плохим человеком. Но мне на это наплевать. Я хочу свободы и курева. Свобода у меня есть, и, дай Бог, будем живы — будет и курево.

Крючок, видимо порядком соскучившись по человеческой речи, со странным чувством вслушивался в собственный голос и не очень понимал то, о чем говорит: то ли паясничал, то ли вдруг захотелось исповедаться перед этим спокойным коряком, для которого вот так переночевать в тундре такое же обычное дело, как, скажем, горожанину пройти в плаще под дождем.

— Так что, — заключил Крючок, — я рецидивист...

— Я раньше слышал такое слово, а теперь забыл, что оно означает.

— Это очень просто. Это когда несколько раз сажают в тюрьму.

— А за что тебя сажают?

— За всякое. Вот я тут, в этой проклятой берлоге, часто думал и решил, что меня всегда сажали ни за что. Срок, конечно, давали правильно. Дела творил такие, что никакой защитник не спасет. Но все же я считаю — сажали ни за что. Руки у меня всегда чесались, язык чесался. Но я думаю, что чесались они ведь у меня не просто так. Говорили, что я неуживчив. Люди, они хорошие, когда о них подумаешь просто так. Сразу о всех. А так приглядишься: много среди них подонков. А когда я вижу подонков, бить хочется их. По морде. Пока трезвый, терплю. Ну а как напьюсь, значит, баста. Срок заработал.

— Человека нельзя бить, — резонно заметил Тегэт.

— Это смотря какого человека. Бывают такие, что убить мало.

— Человека убивать нельзя, — тем же тоном вставил Тегэт.

— Что ты знаешь о человеке? «Человека нельзя». «Человека нельзя». Заладил. Есть люди хуже волков. Ходит в человеческом облике, а сам зверь, волк.

— Вот ты такой и есть, — сказал Тегэт.

Откровенность обезоружила Крючка. «Однако не такой уж он наивный, — подумал Крючок, — прямой парень. Совсем не такой наивный, как мне показалось вначале».

— Это почему же я такой? — довольно громко спросил он. — Откуда ты меня знаешь?

— Потому что убежал от людей и живешь, как волк.

— А чем ты не волк? — с нескрываемой злостью вырвалось у Крючка. — Как видишь, мы оба в одной берлоге. У обоих сейчас волчья жизнь.

— У меня не волчья жизнь. Это моя работа. Я на работе. Заблудился в пургу. А берлогу твою нашли собаки по твоим же следам.

— Да ты не обижайся. — Крючок скорее успокаивал себя, нежели собеседника.

— Я и не обижаюсь.

— Ну скажи честно, Тегэт. Что у тебя за работа ездить на собаках по тундре?

— Любую работу, которую не могут выполнить женщины и дети, должен делать мужчина. Вот в сегодняшнюю пургу, будь на моем месте женщина или ребенок, было бы худо. А работа у меня настоящая. Я вожу в поселок кино. А когда нелетная погода, подвожу продукты. Однажды детям на Новый год привез мандарины. А вот сейчас деньги везу. Три недели к нам не летают вертолеты, вот и попросили меня. А то ведь люди сидят без зарплаты.

— Какие деньги? — спросил настороженно Крючок.

— Зарплату.

В темноте Крючок тщетно силился заглянуть в лицо каюра. От напряжения только глазам стало больно. Произошло что-то невероятное, и он это явно ощущал, хотя понять толком ничего не мог.

— Как же тебе доверяют возить деньги? — спросил Крючок, стараясь быть спокойным.

— В районе доверили.

— Но ведь это же деньги. Зарплата. А может, зарплата у всего поселка вашего составляет каких-нибудь триста рублей.

— Почему триста?! Я сам один получаю триста. Двести пятьдесят тысяч. И это еще не все. Остальное доставят, как только откроется погода.

— Двести пятьдесят тысяч? — переспросил Крючок, растягивая слова.

— Да.

— И ты такие деньги везешь с собой?

— Да.

— А где ты хранишь такие деньги, не в кошелечке ли?

— У меня нет кошелечка. Они в нарте находятся. В брезентовом мешке и крепко перевязаны.

Наступила пауза. Крючок верил каждому слову этого добродушного человека. Порой ему казалось, что все это происходит во сне. Он осязаемо чувствовал, что наступил какой-то переломный момент в его судьбе. Такое чувство ему было знакомо и раньше, когда после преступления еще не попал за решетку, но твердо знал, что настал конец. Правда, здесь другое дело. Здесь совсем о другой перемене судьбы идет речь.

Крючок уже про себя решил точно: деньги не упустит. Но решил как-то в целом. Все в голове было общо, неконкретно. Деньги не упустит уже потому, что никто из его дружков не простит этого. На всю жизнь он прослышет после этого дураком. Его по-всякому называли, а вот дураком никогда. И не назовут. Он этого не позволит.

«Может, я всю свою жизнь ждал именно этого дня. Может, не зря меня так калечила жизнь. То, наверное, было испытание за будущее. Слышал не раз, что, бывает, на ловца и зверь бежит, а все не верил. Вон оно, оказывается, как бывает. Раз в жизни, но ведь бывает, черт возьми. Все ходил и ныл, что невезучий, дескать, я. Ошибался. Мне всегда везло. Жизнь меня готовила к этому дню. Я всегда чувствовал, что наступит такой день. Мой день. Мой праздник. Да разве я бежал бы из тюрьмы, если бы не чувствовал такое? Разве я мерз бы здесь, в тундре, если бы не верил, что когда-нибудь придет такой день. И дождался».

Мысли эти радовали Крючка. Он был счастлив, и не хотелось ему пока знать, что будет дальше. В любом случае деньги не упустит, вот что главное. И вдруг он вспомнил о Тегэте, который молча лежал рядом и тоже о чем-то думал.

— О чем ты думаешь, Тегэт? — спросил Крючок.

— О дочке. Болеет она.

— Что с ней?

— Болеет.

— Тегэт, а что, если бы ты вдруг потерял эти деньги? — неожиданно сменил тему разговора Крючок. — Что бы тебе за это было?

— Я не знаю, что было бы. Однако деньги эти нельзя терять.

— Но ведь в жизни всякое бывает.

— Все равно их нельзя терять. У меня вот маленькая дочка лежит в больнице. Если я потеряю деньги, значит, доктор останется без зарплаты из-за меня. Это несправедливо.

— Нашел о ком беспокоиться! Знаем мы этих докторов. Денег у них куры не клюют. И потом, чего тебе беспокоиться за доктора, ведь он все равно получит сколько полагается. Хоть сто раз теряй, а доктор твой свое получит.

— Когда получит? — спросил Тегэт.

— Потом получит. После, когда узнают, что ты потерял деньги.

— Люди зарплату должны не после получать, а сейчас.

— Но ведь из-за твоей пурги люди вон уже сколько дней сидят без денег. Терпят же они.

— Когда пурга, люди спокойны. У нас в поселке зарплата как письма и газеты. У нас люди иногда целый месяц ждут почту, а потом прилетит вертолет и сразу привезет много писем и газет. У людей праздник, когда хорошая погода, потому что в хорошую погоду самолеты летают. И зарплату тоже получают всегда в хорошую погоду. И когда зарплата задерживается из-за пурги, то никто не переживает, потому что все знают, что после пурги будет хорошая погода. Если же я потеряю деньги, то погода не будет виновата и у людей будет праздник испорчен.

Крючок слушал своего собеседника в кромешной тьме и вновь силился представить себе его лицо, глаза. Но ничего не выходило. Слишком наивным казался ему Тегэт. Слишком уж не от мира сего.

— А давай-ка по-честному, Тегэт. Ну вот зачем тебе лично нужны деньги? Театра у вас нет, кино слишком дешево, да ты бесплатно смотришь кино, холодильника тебе не нужно, машина не нужна, зимой носишь одежду из оленьей шкуры, ковров тебе не надо, мяса сколько угодно есть. Ну скажи, зачем тебе деньги?

— Не понимаю, почему ты такой злой? — сказал Тегэт, глубоко вздохнув. — Почему ты оскорбляешь? А ты когда-нибудь думал, что и коряки со своими семьями ездят на материк. Ездят туда, где есть теплое море. У нас же всегда оно холодное. Да что тебе толковать!

Помолчав немного, Крючок вдруг расхохотался и, надрываясь от смеха, сказал:

— Зачем тебе нужно на материк? Что ты там поймешь? Там же асфальты и лифты.

— Ты злой человек, — спокойно, как и прежде, сказал Тегэт, — я не хочу с тобой разговаривать. Если бы не упряжка, я бы сейчас пешком пошел в пургу. Но собаки не пройдут. И я не хочу оставлять их такому волку, как ты.

— Послушай ты, недоносок. А тебе не кажется, что я могу прибить тебя? Мне ведь бояться нечего. Я вообще не оставляю оскорбления без ответа.

— Я тебя не боюсь.

— Это почему не боишься? — спросил Крючок как-то удивленно.

— Потому что ты одинокий волк. А волки страшны, когда идут стаями.

Крючок задумался. Он был крайне удивлен, что ничего не предпринял после такого наглого, откровенного оскорбления. Наступила пауза, и обоим стало хорошо слышно, как воеет злая пурга на дворе. Заговорили только, когда устраивались спать.

— Залезай в мой кукуль, — предложил Крючок.

— Я буду спать в кухлянке и малахае.

— Да ты не злись на меня. Замерзнешь ведь.

— Не замерзну. Я всегда так сплю в тундре. Кухлянка у меня двойная.

— Ну как знаешь, — сказал Крючок, залезая в кукуль.

Было очень тесно, и спали они, плотно прижавшись друг к другу. Тегэт уснул сразу же, а Крючок долго еще ворочался в своем оленьем мешке. Он все не мог успокоиться. Его злило, что никак не придумает плана захвата денег. Становилось все тревожнее на душе от мысли, что ничего путного не придумает с этими деньгами и под конец останется слишком мало времени на раздумье. Вот тогда-то и сможет впопыхах натворить глупость и погореть. Надо обо всем подумать сразу. Чтобы следов не оставить, чтобы вырваться из плена тундры, чтобы Тегэт... Опять этот коряк. Странный человек. Олень, а не человек.

Крючок заснул только к утру и проснулся вскоре от тишины. Так часто бывает в тундре, когда засыпаешь под вой пурги, и она вдруг стихает. Высунув голову из кукуля, он сплюнул с шумом, стараясь избавиться от прилипших к губам оленьих волос, протер глаза и автоматически пошарил рукой по тому месту, где лежал каюр. Тотчас же Крючок подался вперед, к двери. Тегэта рядом не было. Он спешно открыл дверцу и увидел вдали упряжку. Успокоился. «На материк, только на материк. Хочется фруктов и тепла. Вон этот фана-

тик колючий и тот помнит, как детям мандарины вез. А мне никто никогда не вез мандарины. Можно терпеть холод. Можно терпеть суету. Но терпеть и то и другое вместе ужасно трудно. Теперь все. Четверть миллиона. И все до копейки мои. Все мое. Я могу купить дом, женщин, солнце, море. Коряк прав, море должно быть теплым, иначе какое это море. Иначе это не море, а жидкий свинец. Все мое. Главное — вырваться. Легче было удрать оттуда». Так думал Крючок, протирая спросонья снегом лицо и глядя, как Тегэт возится возле упряжки.

— Тегэт, я поеду с тобой, — уверенным голосом сказал Крючок.

— Нельзя вдвоем. Тяжело ехать вдвоем. Видишь, какой снег сыпучий? Это от мороза. Снег скользкий.

— Ничего, доедем. Я же не раз ездил на собаках. Больше идешь пешком, чем едешь на нарте.

— Пешком трудно будет. Снег глубокий. Долго ехать. День и ночь. Вот сколько ехать. А груз тяжелый.

— Это что, деньги такие тяжелые?

— Любой груз тяжелый. И деньги тоже. А я еще везу электродвижок. Он был на ремонте. Кино будем крутить в табуне.

— Тегэт, я решил вернуться к людям. Я должен пойти с тобой.

— Ладно. Хорошо. Поехали. Будем по очереди каюрить и доберемся.

Крючок в последний раз глянул на свою берлогу и через минуту засеменял рядом с упряжкой. На подъемах, не ожидая команды от каюра, он обходил нарту с левой стороны и помогал тащить ее вверх. В дороге, особенно когда бывает холодно и когда часто приходится тащить на себе нарты, спутники почти не разговаривают друг с другом. Подолгу молчали и Тегэт с Крючком. На крутом спуске садились вплотную, и Тегэт тормозил остолом стремительную нарту. Тут нельзя давать слабинку, иначе нарта задавит собак. Обычно в таких случаях Крючок сидел сзади, крепко держась за спину каюра. Крючок сидел на мешке с деньгами и время от времени трогал руками брезентовый сейф. Занятие это ему явно нравилось.

По ровной местности шли только пешком. И не потому, что жалели собак. В сильный мороз нельзя подолгу сидеть на нарте. Тело коченеет от холода. Единственное спасение — двигаться и двигаться. После очередного перевала Тегэт остановил

упряжку и воткнул остол в снег спереди нарты. При таком положении остола можно быть спокойным, что собаки не сдвинут с места нарты.

— Что случилось? — спросил Крючок.

— Чаевка.

— Какая же здесь, к черту, чаевка на таком голом месте?!

Тегэт ничего не ответил. Он подошел к небольшому шарообразному бугорку, нагнулся и, поковырявшись в снегу голой рукой, схватился за ветку кедрача. Раздался треск. В руках у Тегэта осталась сухая палка. Вскоре он достал еще несколько веток. Вытащив из деревянных ножен висевший на ремне спереди пареньский нож, Тегэт настругал полукольцами множество тонких щепок, и через некоторое время в морозное небо устремилась вертикальная голубая струя. Вначале Крючок смотрел на действия Тегэта с раздражением, которое сменилось затем удивлением. Он тоже стал добывать дрова из-под снега. Когда он принес очередную охапку и бросил рядом с костром, Тегэт, улыбаясь, сказал:

— Однако хватит, оставь для других.

— О других подумаешь, сам окоченеешь, — сказал Крючок, глядя с удивлением, как Тегэт бросает снег в чайник.

Чайник стоял прямо на костре. Снег в нем таял, а Тегэт все бросал и бросал туда белые пригоршни. Он это делал до тех пор, пока не показалась над снегом вода. И чем сильнее и веселее горел костер, тем веселее и теплее становилось на душе у Крючка.

— Ты просто молодец, Тегэт, — сказал Крючок, хлопая его по плечу, — вначале я даже не верил, что все это возможно. Думал, только время зря теряем. А теперь понимаю, что ты верно придумал. Такой костер! Я сто лет не грелся у костра. Вон и пар идет из чайника. Чудеса прямо. Я сто лет не пил чай, не ел вообще ничего горячего.

Чайник то и дело кренился, и поэтому Тегэт придерживал его палкой.

— Кипит, кипит! — вдруг закричал Крючок.

Когда чайник стал выплевывать из горлышка пульсирующую воду, Тегэт снял его с костра голой рукой и без всякой суеты поставил на снег. Он достал начатую пачку чая, высыпал на ладонь пригоршню и всю до последней крупинки бросил в окутанный густым паром чайник. Потом нарезал несколько кусков красной замерзшей рыбы, вытащил из рюкзака галеты, пачку сахара и затвердевший комок масла. Подождав с минуту,

он налил в железную кружку темного, как кровь, чая и предложил Крючку:

— На, пей.

— А ты?

— Всего одна кружка. Я потом. После тебя. Пей.

Крючок взял кружку, торопливо поднес к губам, попытался было сделать глоток, но дернул головой.

— Фу-ты, черт, горячий какой.

— Это хорошо, когда горячий.

Крючок медленно пил чай, заедая мороженой рыбой. Он смотрел на Тегэта, ковырявшего палкой в костре, и думал о своем: «Станный все-таки человек этот каюр, чистая душа, и именно это меня бесит. Я раньше никогда не встречал таких. Глаза маленькие, едва приметны на лице, а встретишься с ними, словно читают тебя. Порой прямо страх берет. Напрасно вчера я заговорил о деньгах. Не надо было обращать внимания. Подождал бы, нашел момент и выкрал. Он сказал, что до деревни ехать день и ночь. Значит, время еще есть. Надо будет деньги взять поближе к поселку, чтобы потом не рыскать по тундре. А как? Вдруг ничего не выйдет? Тогда убью...» Крючок поперхнулся.

— Что, горячий? — спросил Тегэт, добродушно улыбаясь.

— На, пей. Все губы обжег. Я потом еще попью, — сказал Крючок, отходя в сторону.

Вдвоем они выдули полчайника, а остаток Тегэт вылил в железную флягу, которую хранил в небольшом мешочке из оленьей шкуры. Это северный термос. В дороге всегда нужна вода. И нужна не только для того, чтобы пить. Надо регулярно войтать нарты. Делают это так. Кусочком шкуры смазывают полозья нарты ровным слоем воды, которая тут же замерзает. Вот и весь секрет. Полозья, покрытые тонким слоем льда, хорошо скользят по замерзшему снегу. За день каюры войтают свои нарты по пять-шесть раз. Так что вода в дороге нужна.

Большой отрезок пути ехали вниз по реке. Вернее, по льду. Каюрил Крючок. Он с увлечением следил за поведением собак. Пять пар бежали бок о бок с высунутыми языками-лопатами, время от времени поглядывая назад, словно справляясь у хозяйина: «Ну как, доволен нами?» То одна, то другая пушистая лайка на ходу слизывала красным языком снег и, задышавшись, глотала его, утоляя жажду. Ранее Крючок обращал внимание на то, как Тегэт всегда останавливал упряжку, если видел, что какой-нибудь собаке это необходимо. Нужда. И вот теперь, боясь, что

своим невниманием вдруг оскорбит этот гуманный закон, Крючок пристально следил за каждой собакой. После всякой остановки он брался за стоячий баран, дугообразную палку, крепящую нарту, и, подражая голосу каюра, кричал: «Тах-тах-тах», — помогая собакам сдвинуть с места нарту.

— Ты хороший каюр, — похвалил его Тегэт после очередного подъема, когда тот усердно трудился. Обычно перед любым, даже незначительным подъемом собаки останавливались и, словно сговорившись, поворачивали свои усталые морды. Это означало: «Пора, друг, слезай. Помогать надо».

Крючок был польщен похвалой каюра, но ловил себя на мысли, что это его злит. Ему скорее хотелось, чтобы в нем появилась злость к Тегэту, а не заискивание.

— Сколько еще осталось до поселка? — спросил Крючок, повернувшись к Тегэту.

— Трудно сказать. Снег плохой, мерзлый.

— И все-таки сколько? Хотя бы примерно. Пять часов, десять, сто?

— Трудно сказать, — повторил Тегэт, — скоро будет большой перевал, а после еще два маленьких. Наст плохой. Трудно сказать.

— Да что ты заладил: «Трудно сказать», «Трудно сказать»!

— Это все, что я могу тебе сказать.

Четыре с лишним часа они тащили нарту через перевал. Шли, ни на минуту не останавливаясь. Нельзя на перевале останавливаться. Такой закон. В любой мороз на подъеме с каюра пот льет в три ручья. Ведь одет он тепло. Слишком часто приходится дергать нарту, держась за стоячий баран. Слишком часто приходится ускорять шаг, чтобы успеть за собаками. Несколькими разами Крючок падал прямо на снег, тяжело дыша. Но всякий раз Тегэт останавливал упряжку, подходил к нему и помогал встать на ноги.

— Однако нельзя лежать на снегу, когда потный, — говорил он всегда одно и то же.

Крючок плелся за ним и злился ревнивой злостью, что коряк с такой легкостью преодолевает перевал, в то время как он, Крючок, хваставший всегда своей силой, задыхается и падает трупом. Он тяжело тащился в гору, едва переставляя ноги, и радовался тому, что в нем нарастает неприязнь к Тегэту.

После перевала Тегэт остановил упряжку, перевернул нарту и стал войтать полозья. Крючок лежал чуть поодаль на снегу. Он дышал глубоко и прерывисто.

— Потный нельзя лежать на снегу, — тихо сказал Тегэт, продолжая смазывать полозья.

Крючок ничего не ответил. Он только махнул рукой. Тегэт подошел к нему и с силой поднял на ноги.

— Потный нельзя лежать. Двигаться надо, — сказал Тегэт.

Перевал в тундре, особенно в сильный мороз, считается самым коварным препятствием. На подъеме каюр потеет, а на спуске одежда леденеет изнутри от пота. Вот и сейчас Тегэт и Крючок, сидя на нарте, через некоторое время стали ежиться от холода. К заходу солнца стало еще тяжелее: Крючок прижался к Тегэту и весь дрожал. У него, что называется, зуб на зуб не попадал, как это бывает в свежую погоду после купания в море.

— Немного побегай, — предложил Тегэт, — замерзнешь совсем.

— Сил больше нет.

— Замерзнешь ведь.

— Не могу. Ноги не ходят.

— Надо.

Крючок несколько раз сходил с нарты и бежал рядом с упряжкой, но всякий раз, не пройдя и десяти шагов, плюхался на нарту, тяжело переводя дыхание. Идти было очень тяжело. Торбаса проваливались в глубокий сыпучий снег. После захода солнца сразу же стало темнеть. Мрак окутывал горизонт. Тегэт вскоре остановил упряжку.

— Будем ночевать, — сказал Тегэт, водружая остоу в снег перед нартой.

— Как ночевать?! — вдруг заорал Крючок.

— Так надо.

— Ты что, с ума сошел! — продолжал кричать Крючок. — В такой мороз, под открытым небом!

— Будем ночевать, — все в том же спокойном тоне повторил Тегэт, — собаки не машина. Они не могут по такому снегу идти без отдыха весь день и всю ночь.

— Но ведь мы здесь замерзнем и подохнем из-за жалости к твоим собакам.

— Мы не замерзнем, — успокаивал его Тегэт, — ты же один жил в тундре почти всю зиму. Жил и ничего не боялся.

— Мне тогда не было так тяжело. И спал я у себя в палатке, у себя в кукуле. А сейчас ничего у нас нет. Только небо одно. Это же самоубийство.

— Самоубийство — это идти на ночь глядя, когда собаки выдохлись.

— Плевал я на твоих собак. Что тебе дороже — наша жизнь или собаки?

— Сейчас наша жизнь зависит от собак.

— Сколько осталось до поселка? Сейчас-то ты хоть можешь сказать?

— Не могу. При хорошем насте и свежих собаках осталось мало. А так не знаю. Не могу сказать.

— Послушай, хватит. Ты можешь, черт возьми, наконец, сказать, сколько осталось до поселка, если идти самым тихим ходом? — истерично выкрикнул Крючок.

— Ты не кричи. Успокойся. И вообще: неужели ты не знаешь, что в тундре нельзя загадывать наперед. Плохая примета. Беда придет.

— Чокнутый ты какой-то. То собак жалеет, то теперь примет боится. Лучше скажи, где спать будем?

— Спать не будем. Спать нельзя. Надо все время ходить, чтобы не замерзнуть. А вот собаки пусть спят. Им ничего не сделается.

Крючок уже не слушал напарника. Он ходил взад-вперед и решительно думал только об одном. О деньгах. «Это неплохо, что собаки отдохнут, — думал он, — они потом быстро сами найдут дорогу в поселок. А этого чокнутого коряка, который не так спокоен, как хорохорится, придется прикончить. Закопаю в снегу, и комар носа не подточит. До лета не найдут. Собак привяжу, как только покажется поселок. А там и паспорт можно будет найти, и шмотки. Пока очухаются, успею удрать. Только на материк. Небось и забыли про меня, небось похоронили. Четверть миллиона. И все мои... Мои! А чем я его прибую? Остолом. Сзади по черепу — и каюк».

Крючок зашагал еще живее. Давал о себе знать холод. Холод и волнение. В какой-то момент он в темноте, напрягаясь, посмотрел на Тегэта, копающегося в нарте, и спросил:

— Чем ты там занимаешься, Тегэт?

— Ничего, ты только не волнуйся, Иван, только не волнуйся, — сказал Тегэт, стараясь быть как можно спокойнее.

— А почему это я должен волноваться?

— Сейчас, Иван, сейчас. Ты только не волнуйся. — Тегэт говорил, не отрываясь от нарты и даже не поднимая головы.

Крючок подошел к нарте. Тегэт что-то в темноте делал руками, тяжело и громко дыша. Крючок насторожился. Больше всего его насторожило то, каким тоном вдруг стал говорить с ним Тегэт, который впервые за все время произнес его

имя. Пусть Крючка и не Иваном зовут, но ведь Тегэт об этом не знает.

Минуту назад собаки спали. Но сейчас Крючок обратил внимание, что они жалобно скулят. Обычно на привале они лежат как мертвые, свернувшись в комочек, а тут все, стоя на ногах, жалобно выли. Вдруг Крючок увидел в стороне пару горящих огоньков. Он остолбенело уставился в светящиеся огоньки и несколько раз, сильно зажмурив глаза, вновь открывал, чтобы убедиться, не галлюцинация ли. Но с каждым разом, открывая глаза, он видел все больше и больше огней. Он хотел было крикнуть, но горло перехватило. Крючок резко повернулся назад и все сразу понял. Огоньки постепенно становились все ярче, все крупнее, мерцающая все ближе и чаще. Собаки нервно суетились. Некоторые дергались из стороны в сторону, стараясь вырваться из упряжки. Крючок, словно загипнотизированный, не мог оторвать глаз от мигающих огней. Сомнения уже не было. Волки.

— Что будем делать? — спросил Крючок немного погодя.

— Ты только не волнуйся, — сказал Тегэт, все еще припечатанный к нарте, — пальцы у меня онемели, никак не отвинчу. Ты не волнуйся. Они сразу не нападут. Они сначала со всех сторон окружают, потом подойдут как можно ближе и по команде вожака все разом прыгнут на нас. Так что время есть.

— А что ты там делаешь? — боясь собственного голоса, спросил Крючок.

— У меня тут осталось немного керосина. Хочу отсосать шлангом.

— А у тебя есть ружье?

— Ничего у меня нет. Ружье нас не спасет. Их слишком много.

Огоньки, мерцающая попарно, плотным кольцом приближались к упряжке. Собаки стали грызть ремни. Они уже не выли. Умолкли, словно ожидая своей участи. Наконец Тегэт оторвался от движка, вмиг прыгнул на нарту, зажег спичку и поднес ее ко рту. Он разом изо рта выдул керосин. Тегэт походил на огнедышащего дракона. Он дул все сильнее и сильнее, и длинное яркое пламя, выходящее изо рта, освещало все вокруг.

Вдруг Крючок, схватившись обеими руками за голову, истошно заорал и рухнул на землю. Послышался тяжелый топот. Волки так стремительно повернули, что было слышно, как они ударились друг о друга. Тегэт вновь набрал в рот керосин, и вновь яркое пламя осветило тундру. Собаки вмиг умолкли и ус-

троились спать в своих ямах. Тегэт без конца набирал в рот снега и, пожевав немного, выплевывал. Так он делал до тех пор, пока едкий вкус керосина не исчез. Крючок привстал, но подняться не мог. К нему подошел Тегэт.

— Не волнуйся. Теперь они не подойдут к нам, — сказал Тегэт, помогая Крючку встать, — волки боятся огня. Так что больше не подойдут.

— Тегэт... — сказал Крючок и осекся.

— Что, Иван?

— Меня не Иваном зовут.

— Я знаю. Я твой портрет в районе видел. Возле кинотеатра висел. Там все про тебя написано.

— Меня Кимом зовут.

— Ну, Ким, значит, Ким. Вот и хорошо. Скоро доберемся до дома и отогреемся. У нас печка жаркая. Сам ставил. Чего тебе здесь волком жить в тундре?

— Тегэт... Я тебя убить хотел. Я хотел тебя убить и забрать деньги.

— Знаю, — сказал Тегэт, улыбаясь в темноте. — Подними собак. Ехать надо.